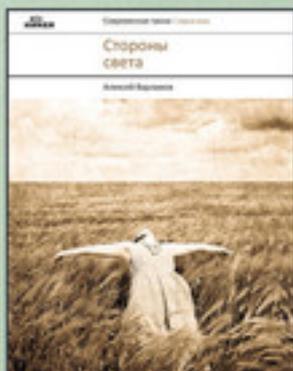


Алексей Варламов

# Балашов



*Часть сборника  
Стороны света (сборник)*



Алексей Варламов  
**Балашов**

«Никея»

2011

**Варламов А. Н.**

Балашов / А. Н. Варламов — «Никея», 2011

ISBN 978-5-457-23938-8

«Ночью Балашова будил детский плач. В полудреме он слышал, как Антонина шлепала босиком к детской кроватке, брала на руки годовалую Иринку и расхаживала с ней по комнате. Иринкин плач будоражил его, он окончательно просыпался и потом долго еще не мог уснуть. Нашарив рукой папиросы, Балашов вставал и шел по долгому пустому коридору на кухню...»

ISBN 978-5-457-23938-8

© Варламов А. Н., 2011

© Никея, 2011

## Алексей Николаевич Варламов Балашов

Ночью Балашова будил детский плач. В полудреме он слышал, как Антонина шлепала босиком к детской кровати, брала на руки годовалую Иринку и расхаживала с ней по комнате. Иринкин плач будоражил его, он окончательно просыпался и потом долго еще не мог уснуть. Нашарив рукой папиросы, Балашов вставал и шел по долгому пустому коридору на кухню. В большом закопченном помещении стояли две газовые плиты, на веревках сохло белье, и с него мерно капала вода в подставленные на пол тазы. Балашов садился на табуретку у окна, закуривал и словно назло себе разжигал мысли о том, что такая жизнь ему к черту не нужна, давно пора послать все куда подальше и уехать из Москвы – все равно ему здесь ничего не светит, потому что его угораздило родиться в двадцать седьмом и на войну он не попал. А теперь кругом заправляют фронтовики и его держат за не нюхавшего порошу мальчишку, хотя он был взрослый мужик и имел право на то, чтобы с ним считались. Он был зол на Антонину за то, что два года назад позволил ей себя окрутить, связать ребенком, и теперь был вынужден прозябать среди мокрого белья, чада, приторного запаха молока и детской мочи. Балашов курил папиросу за папиросой, затягиваясь до боли в горле и расплющивая бычки о подоконник, покуда обмусоленные папиросы не вызывали у него тошноты. Потом шел обратно в комнату и долго еще ворочался без сна. А Антонина спала, блаженно улыбаясь во сне, и не слышала, как он гремел стулом, но стоило Иринке чуть закашлять, как она беспокойно поднимала голову и прислушивалась.

Зимой в строительном управлении, где работал Балашов, стали вербовать отряды целинников, и он записался добровольцем. Балашов решил, что на целине быстрее добьется своего и, когда вернется, к нему станут относиться иначе и больше не будут попрекать тем, что он не проливал за родину кровь и не кормил в окопах вшей. Балашов был уверен, что Антонина отнесется к его отъезду спокойно, потому что ей и так хватало забот с ребенком, но она вдруг стала плакать и просить, чтобы он остался или взял ее с собой. И ему пришлось несколько вечеров подряд объяснять, что на целину с детьми не берут, там голая степь, а он должен ехать, в конце концов, это его долг, и ему просто стыдно за малодушную жену, комсомолку, которая печется только о себе, в то время когда в стране происходит такое важное дело.

Антонина поддавалась настроению мужа, потихоньку успокаивалась и думала о том, что через полгода или даже раньше, как только муж устроится и на целину будут пускать с детьми, она сразу же приедет к нему и они будут вместе растить хлеб. Балашов вяло поддакивал и обещал вызвать ее поскорее, но для себя твердо решил, что этому не бывать и Антонина с ребенком будет только мешать в его новой жизни. Он хотел сказать ей об этом с самого начала, но представил, сколько слез на него обрушится, и решил, что напишет потом в письме. Он стал спокойно спать по ночам и ходил по квартире, как явившийся в деревню уполномоченный, громко и вызывающе распевая «дан приказ ему на запад, ей в другую сторону, уезжали комсомольцы покорять всю целину». Натерпевшиеся за последние тридцать лет лиха соседи смотрели на него с опаской и перестали шпынять за изгаженный подоконник и следы в коридоре.

Через месяц Антонина провожала мужа на громадной вокзальной площади. Победно гремели оркестры, ликовали люди, от сотрясения воздуха рвались флаги, транспаранты и самодельные бумажные плакаты, и последние свои годы доживал монументальный портрет с жирными усами и отеческой улыбкой почившего вождя. Одетый в гимнастерку, с вещмешком, Балашов пробивался через толпу и ловил на себе восхищенные взгляды нарядных женщин и молодежавших студентов. И ему казалось, что в жизни ему наконец-таки повезло, из зад-

них рядов, с галерки, удалось взобраться на сцену, и ради него собралась здесь эти люди, говорили речи, махали руками, плакали, целовались, провожая счастливого в диковинное путешествие. Он тащил за собой Антонину и не замечал ее постного, некрасивого лица, а она еле сдерживалась, чтобы не заплакать, и думала о том, что, будь ее воля, она остановила бы всю эту людскую массу, только бы никуда не уезжал ее муж. Но длинный состав с теплушками тронулся, люди расступились, давая ему дорогу, и поволокли упирающуюся Антонину к выходу.

Она пришла домой и сразу же стала ждать, когда он вернется. Антонина не могла понять, что Балашов уехал, и мучилась от того, что наступал вечер и Балашов не приходил, и она одна ложилась спать, одна вставала и уходила с Иринкой из дома. Она отводила дочку в ясли и шла в учреждение, где работала машинисткой, весь день печатала, но в голове было пусто-пусто, она лепила ошибки, потом приходилось их подтирать – было очень стыдно, но никто на нее не ругался, потому что все знали: муж Антонины – целинник. Дома она укладывала Иринку спать и не знала, чем себя занять, ей не хватало каких-то мелочей, вроде стопки грязной посуды после ужина, балашовских рубашек и запаха табака. Не хватало настолько, что ночью, просыпаясь высадить Иринку на горшок, она потом украдкой шла на кухню и, воровато оглядываясь и прислушиваясь к гулкой тишине, закуривала папиросу, после двух-трех затяжек заходила в кашле, но, счастливая своим причастием к мужу, шла в комнату и спокойно спала до утра.

Письма от Балашова приходили редко, он писал скупо, и из его неряшливых торопливых строчек нельзя было понять, как ему там живется и скоро ли он окончательно устроится. Но и эти неровные клочки бумаги она читала по многу раз и находила в них особый смысл. Антонина подолгу продумывала свои ответы и старалась писать так, чтобы у себя на целине в трудовых буднях и битвах за урожай Балашов знал – Антонина и вся страна следят за его подвигом и шлют ему горячий комсомольский привет. Она жадно и трудно читала газеты, искала его лицо на запыленных степью фотографиях, вычитывала его фамилию в ликующих репортажах и очерках о целинных героях, как вычитывала на работе опечатки в приказах, но целина была велика, и маленький Балашов растворился в ней без следа. И все равно Антонина знала, что он трудится среди сильных загорелых парней, у которых ладится и спорится любое дело, и она любила этих парней за то, что они работали вместе с ее мужем.

Впрочем, среди героев Антонина искала своего благоверного напрасно. Их привезли в чахлую степь, где не было ничего, кроме пыльного ветра-суховея и голого горизонта. И надо было тянуть провода и строить дома, и скоро от праздника и ликования ничего не осталось. Степь сводила с ума, и Балашову казалось, что на свете нет ничего, кроме этой дикой холмистой земли, и то, что они делают, бессмысленно, потому что земля эта бесплодна и страшна, она сожрет горстку людей и никогда здесь не будет ни хлеба, ни домов. Приходилось таскать на себе песок и цемент, воду, желтую и мерзкую на вкус, привозила иссохшая лошадь, словно пришедшая обратно на смену железному коню. А железные кони без запчастей не ржавели только потому, что в степи не было дождей. И бледные юноши с горящими взорами, которым не досталось войны, а жаждалось подвигов и славы, не выдерживали чесотки, грязи, зноя, маялись животом и разуверялись во всем с той же яростью, с которой вчера еще верили. Основную работу делали суровые, насупившиеся мужики, которых сорвали откуда-то из-под Смоленска и Вологды, и мужикам этим все было нипочем, потому что они видали и похлеще, и хмурились и зло матерились лишь оттого, что из родных деревень им писали, что некому пахать и поля зарастают бурьяном.

А потом внезапно, без перехода и предупреждения, помела зима, и во временном бараке стало невозможно согреться. Двоих увезли с умопомешательством из степи, но люди становились еще более молчаливыми и строгими, обрастали бородами и выросли и продолжали грызть степь и тянуть провода. Балашов крепился сколько мог, но потом понял, что

отсюда надо немедленно бежать. Однако бежать было некуда, до ближайшего поселка было шестьдесят верст по степному бездорожью, и тогда он взмолился и стал просить, чтобы его отпустили. И люди угрюмо курили, собравшись у печки-буржуйки в бараке, и ничего не говорили, и, боясь, что его не отпустят, Балашов стал истерически кричать, что у него тяжело заболел ребенок, жена в отчаянии и он должен ехать, потому что оставлять ее в такой момент одну преступно. Но как только ребенок выздоровеет, он сразу же вернется и отработает свой отпуск. И все стыдились того, что этот взрослый мужик, не зеленый юнец, оказался дерьмом и лжет в том, в чем лгать нельзя. Потому что еще неделю назад он читал вслух письмо Антонины и хвастал, какая у него дуреха жена, и никаких других писем с тех пор не привозили. И его выкинули из барака, не пожалели бензина, довели на единственной полуторке до моста через Ишим, откуда было рукой подать до Акмолинска.

Балашов бежал по степи, не чуя под собой ног. Из Акмолинска он добрался до Кокчетава, оттуда до Павлодара, о том, чтобы возвращаться в Москву, он и думать не смел и скитался по Казахстану, перебиваясь случайными заработками, подачками и опустившись донельзя, покуда в Петропавловске на вокзале его не подобрала женщина.

Ей было лет сорок, она выглядела неряшливо и несвежо, но Балашову было все равно. Женщина привела его в покосившуюся хибару на окраине чистенького немецкого города, звала «сыночек мой», кормила, клала с собой спать, давала водки, и Балашов послушно делал все, что она велела. Но, постепенно приходя в себя, он почувствовал беспокойство. Женщина пугала его, она была вечно мрачна, часто напивалась и истерически рыдала, страшно и черно ругаясь, как не ругались и мужики. Она ходила по дому немывая, дурно пахнущая, и он стал брезговать жить в ее грязном доме, среди неубранных объедков, тараканов, сальных тарелок, подгнившей картошки, стал брезговать ложиться с нею в постель и отвечать на ее неумные ночные ласки. Балашов часто уходил из дому, слонялся по городу, с тоской думал о том, что надо немедленно уезжать, но воля его была парализована, и, закончив на ветреных убогих улочках, он возвращался в дом, где было одновременно смрадно и тепло. Потом стороной он узнал, что в войну муж хозяйки был полицаем. Его расстреляли сразу же после освобождения Полесья, а ее выслали в Казахстан на поселение. Балашов собирался у нее на глазах, а она смотрела на него неотвязным, бессмысленным взглядом и твердила:

– Я никого не убивала, миленький, не убивала, – и хватала его за руки своими сильными пальцами.

С вокзала Балашов отправил Антонине телеграмму с тем, чтобы она выслала ему денег на дорогу, и вернулся в Москву, Антонина чувствовала, что разговоры о целине мужу неприятны, и ни о чем его не спрашивала. Она была с ним ласкова и мягка и накричала на соседку, когда та ехидно заметила, что больно рано да невесел вернулся покоритель целины. Балашова ее забота только злила. Он грубил Антонине на каждом слове, отталкивал Иринку, часто уходил из дому и возвращался пьяным. Толкал жену на ссоры, ему хотелось ругаться, слышать от нее гадости и говорить в ответ гадости еще хлеще, чтобы ей было так же погано, как и ему. Он был злобным и невыносимым, но Антонина сдерживалась и не позволяла себе ни обидеться, ни расплакаться и относилась к мужу как к больному человеку. На работу Балашов не выходил, днями он маялся от безделья, а ночами снова ворочался без сна и курил папиросу за папиросой в темной кухне. Антонина тоже не спала и ждала, когда он вернется и забудется мутным утренним сном. Потом однажды его прорвало, и Балашов рассказал Антонине про бегство с целины, мерзлый барак и жену полицая, его знобило и трясло, и Антонина положила его голову к себе на колени, мучилась и молилась за его израненную душу, и Балашов стал отогреваться и медленно, с трудом возвращаться. Потом он уснул, и она долго любовалась его смягченным просветленным лицом и берегла его сон до утра. Но

впоследствии Балашов долго не мог простить ей своей слабости и в душе стал бояться и избегать Антонину за то, что она видела его униженным и беспомощным.

К лету Балашов оправился окончательно и устроился на работу, которая пришлась ему по вкусу, поставщиком оборудования для шинного завода. Он повеселел, снова стал задиристым и активным и ревниво искал местечко, где получше. В частых командировках у него стали заводиться романы, появились приятели, острые забавы, и он почуял пряную прелесть в сытой, ни к чему не обязывающей жизни. К Антонине он стал равнодушен, другие женщины – знающие себе цену, откровенно любующиеся собой и льстящие ему – влекли его. В сравнении с ними худая, высокая Антонина с нездоровым цветом лица сильно проигрывала. Балашов стал тяготиться ее кротостью и покорностью и, каждый раз возвращаясь домой, в душе напрягался, думая о жене. Он окончательно решил, что женитьба на Антонине была ошибкой, он еще слишком молод, как следует не пожил и не должен упускать отведенных ему природой удовольствий. В конце концов, перед отъездом в одну из командировок Балашов сказал Антонине, что намерен с ней развестись и больше не вернется. Он рассчитал так, что на слезы и крики у Антонины будет не больше получаса, но она только побледнела и ровным, почти равнодушным голосом сказала мужу, что он волен жить как хочет, но затеивать сейчас развод у нее нет сил и она просит его обождать. Балашов обрадовался и легко согласился – Антонину ему было жаль, она была скучной и блеклой, и никогда в ее жизни не будет столько радости, как у него, так пусть хоть тешит себя тем, что у нее есть муж. А ему какая разница – жениться он покуда не собирался, главное, он стал абсолютно свободен и Антонина больше не маячила перед глазами и не было нужды что-то фальшиво объяснять, чувствуя неловкость.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.